

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СКАТОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, вся отечественная филологическая наука понесли невосполнимую утрату. 29 октября 2021 года не стало Николая Николаевича Скатова, члена-корреспондента РАН, возглавлявшего Институт с 1987 по 2005 год и вплоть до своей кончины оставшегося советником РАН; главного редактора журнала «Русская литература» в 1988–2009 годах; одного из ведущих исследователей классического наследия XIX–XX столетий.

Николай Николаевич родился 2 мая 1931 года в Костроме, в семье военного, в 1953 году окончил Костромской педагогический институт им. Н. А. Некрасова и до 1962 года преподавал в alma mater. Уже тогда он проявил себя как талантливый ученый и блистательный лектор, любимый студентами.

Однако интерес Николая Николаевича к славянофилам и Н. Н. Страхову вызвал раздражение отдельных коллег, которые попытались забаллотировать его при очередном прохождении по конкурсу. После этого благодаря поддержке своего научного руководителя А. И. Ревякина и заведующего кафедрой русской литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена А. И. Груздева Н. Н. Скатову удалось перевестись в этот прославленный ленинградский вуз.

В 1978 году Н. Н. Скатов был избран заведующим родной кафедрой. Всего же он отдал Герценовскому институту двадцать пять лет своей жизни и воспитал десятки учеников, которым давал большую свободу, всячески побуждая к самостоятельному творчеству, и о которых трогательно заботился. Сейчас у них ощущение, которое не выразить более точными словами, чем «потеряли отца».

Печататься он начал в 1957 году, опубликовал около 400 научных и литературно-критических работ, в том числе 26 книг. И в этой продуктивности сказалась еще одна важная черта личности Николая Николаевича: его отличала безраздельная любовь к слову, он был истинным «любителем российской словесности», как себя называл.

Круг его научных интересов вмещал в себя самые разные явления истории русской литературы — от Жуковского и Кольцова до Ахматовой и Твардовского. Но главными были Пушкин и Некрасов. В 1971 году Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию, по материалам которой издал монографию «Некрасов. Современники и продолжатели» (1973). Позднее к ней добавились десятки новаторских работ о поэте, увенчавшиеся книгой «Некрасов» (1994). Так же как многие статьи и очерки о Пушкине вылились в солидный труд «Пушкин. Русский гений» (1999). Насле-

дие великих поэтов всегда рассматривалось им не монолитно, а в контрастных сопоставлениях с современниками, в движении и эволюции.

Среди изданий, подготовленных Николаем Николаевичем, выделяется сборник Н. Н. Страхова «Литературная критика» (1984), положивший начало углубленному изучению русской консервативной мысли. Причем эта книга была выпущена не на гребне эйфории, вызванной «эпохой гласности», а в трудные дни идеологических ограничений. К самому ученому вполне приложимы слова В. В. Розанова о Страхове: «Он стоял около „вечных истин“ <...> и не отходил отсюда, и умолял других не отходить».

Последующие годы жизни Н. Н. Скатова были связаны с Пушкинским Домом, который он возглавил в исключительно сложный период конца 1980-х годов. Став директором, Николай Николаевич способствовал не только оздоровлению нравственного климата в Институте, но и возрождению — после десятилетий идеологического запрета — ряда важных исследовательских направлений с обеспечением им устойчивого развития на далекую перспективу. Так, в научных штудиях пушкинодомцев он всемерно поддержал изучение взаимоотношений русской литературы и христианства.

Н. Н. Скатов видел историческую миссию Института в том, чтобы, по его словам, «хранить, изучать и являть миру одно из величайших достижений человечества — русскую литературу, лучшее, что создано нами как нацией: от вековых глубин до злободневной современности».

Такое понимание значения русской литературы закономерно рождало желание как можно более широко пропагандировать ее достижения по всему миру. Вот почему с первых шагов в Пушкинском Доме Николай Николаевич проявил особое внимание к издаваемому Институтом журналу и вскоре возглавил его Редколлегию. В течение двух десятков лет ему удавалось с твердостью опытного капитана вести «Русскую литературу» по бурному морю экономических и организационных трудностей и в целостности передать в руки своего преемника. Оставив высокий пост, Николай Николаевич продолжал относиться к членству в Редколлегии как к общественно важному служению. До конца своих дней он живо интересовался судьбой журнала и, как только позволяло здоровье, неизменно присутствовал на редакционных заседаниях.

Отличал его благородный облик — высокий, статный, с легкой проседью, с одухо-

творенными чертами лица. Всегда безукоризненно, «с иголочки», одет. Это был подлинный интеллигент, человек высокой культуры. Он обладал редкостным даром общения с людьми. Николай Николаевич признавался, что, как уроженец Костромы с ее великолепной волжской панорамой, всегда хотел бы жить в городе, где есть река, и потому сразу полюбил Петербург, из своего кабинета любовался просторами Невы.

Все мы проговариваемся, когда говорим о дорогих нам людях, а думаем на самом деле о себе. Свое предисловие к книге А. М. Панченко «О русской истории и культуре» Николай Николаевич начинает самым неожиданным образом: «Чего нет в этой книге? В этой книге нет слишком, к сожалению, частой и не всегда чистой филологической болтовни, когда та или иная даже дельная мысль тонет в потоке необязательных словес, действительно могущих посеять сомнение: не пустое ли место так называемое литературоведение и культурология, раз они допускают возможность такого количества общих мест. С другой стороны, нет в этой книге и ложной — пугающей — глубокомысленности и теоретичности. Хотя и в этом случае обычно сопровождающая такое якобы глубокомыслие терминологическая перегруженность, часто произвольная или даже

просто к случаю произведенная, лишь прикрывает те же общие места и скрывает отсутствие мысли».

Так вот — чего нет ни в одной из работ Н. Н. Скатова. Разумеется, нет ни филологической болтовни, ни глубокомысленной теоретичности. А что же есть, по убеждению Николая Николаевича, в работах Панченко и к чему, конечно же, всегда стремился он сам, скорее всего понимая, что это-то уж есть и у него самого: живая мысль, захватывающее чувство, безраздельная любовь как к слову, так и к тому, что словом не является, к слову тянется и великой любви заслуживает, святая убежденность в том, что то, чему ты посвятил жизнь, будучи словом, может стать делом, но уж точно не останется словесами.

Николай Николаевич был директором Пушкинского Дома до последней минуты жизни. Директор Пушкинского Дома, как посол, бывшим не бывает!

Творческое наследие Н. Н. Скатова вошло в золотой фонд гуманитарной науки. Память о нем навсегда останется с нами.

*В. Е. Багно,
И. Ф. Данилова,
А. П. Дмитриев*